

Центральная равнина. Горный хребет Шэньнун[1].

Высоко в горах грелся в лучах заходящего солнца небольшой, но весьма оживлённый городок. Он стоял на одной из вершин, выровненной первыми жителями в далёком прошлом.

Здесь простирались исконные земли клана Яо, где каждый человек носил одну и ту же фамилию: Яо. Однако встречались и люди с другими фамилиями: ученики, всякие близкие и дальние родственники. Каждый обитатель этих земель так или иначе был кровно связан с кланом Яо, но одни вели своё происхождение из побочных ветвей, а другие — из главной.

Клан Яо — один из восьми древнейших кланов — представлял алхимию, здесь рождались лучшие алхимики мира, и каждый потомок этой семьи умел плавить пилюли[2] и превосходно владел мастерством.

На вершине горы, посреди главной площади, стоял внушительный каменный монумент. Этот обелиск, именуемый «Стелой Предков», считался символом клана и обладал особым значением для местных жителей, ведь вписать на него своё имя и имена родителей считалось высшим достижением в жизни — самая великая честь, метко описываемая поговоркой: «Если твоё имя высечено на Стеле, значит жизнь прожил не зря».

Против четырёх граней обелиска находились четыре основных здания клана: храм предков, зал старейшин, школа и сокровищница.

Сразу за плато гнездились дома главной ветви — внутреннее кольцо клана, — а ниже селились семьи могущественных и влиятельных особ, из домов которых валили столбы дыма — то дымили алхимические котлы, которые здесь никогда не простаивали. У подножия горы селились простые члены клана, их дома выглядели гораздо менее торжественно.

На одной из улиц играла в какую-то алхимическую игру группка детей лет семи. Могло показаться, что они проговаривают выдуманные формулы, но это было не так: дети повторяли настоящие мнемотехники для плавки пилюль.

Дети резвились, наполняя округу звучным смехом, пока к ним не подошли несколько взрослых, чьи фигуры отбрасывали длинные тени под светом заходящего солнца.

— Эй, вы всё ещё играете? Время ужинать!

Дети запрыгали от радости и бросились к ним навстречу.

— Папочка вернулся!

— Папа, вчера в школе я узнал о плавке пилюль...

Отцы подходили всё ближе, и голоса детей становились только звонче.

Взрослые лишь смеялись и забрасывали своих отпрысков к себе на плечи.

Но среди всей этой детворы выделялся один пятилетний мальчик: он вёл себя очень тихо и крепко держался за большую отцовскую руку — тепло от прикосновения доставляло ему искреннюю радость. Его отец, заподозрив неладное, спросил:

— Чэнь-эр[3], что случилось? Опять напроказничал и разозлил маму?

Мальчишка понуро опустил голову.

— Мама опять сердится, она сказала, что больше не примет меня... Папа, ты же успокоишь маму, да?

— Ха-ха, конечно. Пойдём, если мы будем вместе, мама обязательно приготовит нам что-нибудь вкусненькое, — Яо Хо рассмеялся и усадил сына на плечи.

— Эй, Хо, неужто твой сын опять чего учудил?

К Яо Хо подошёл хорошо сложенный мужчина с нахмуренными бровями, на его плечах тоже сидел ребёнок — пятилетний толстячок.

— Папа, Яо Чэнь[4] опять использовал любимую вазу тёти Цин как алхимический котёл, — громко донёс Толстячок.

— Чэнь-эр, эта ж ведь не та аквамариновая ваза?.. — кашлянув, спросил Яо Хо.

Яо Чэнь снова опустил голову, в то время как руки беспокойно заёрзали на голове отца.

— Мама действительно забудет обо мне? Она опять не приготовит мне куриную голень?

— Так это правда... Тогда ты точно влип, — со смехом вступил в разговор хорошо сложенный мужчина с Толстячком на плечах. — Старик Хо, это часом не тот самый твой первый подарок жене? Яо Чэнь, готовься получить по полной.

— Эй, Ло Бин, не смейся над моим сыном! Не бойся, Чэнь-эр, пока папа рядом, мама обязательно приготовит нам рис с куриной ножкой.

— Папа, а что такое рис с куриной ножкой? — громко спросил Толстячок.

— Что-то невкусное. Идём домой, там нас ждут аппетитные маньтоу[5].

— Да, маньтоу несомненно лучше! — кивнул Толстячок, словно осознав что-то.

Яо Хо с недоумением посмотрел на Ло Бина:

— Старик Ло, ты серьёзно? Ведь твой ребёнок так юн...

Ло Бин оглянулся и ответил:

— Ты ничего не понимаешь, — а затем посмотрел на сына. — Пойдём домой.

— Мы уходим! — со смехом воскликнул Яо Хо.

Яо Хо и Ло Бин, очевидно, возглавляли группу взрослых: когда они засобирались домой, остальные тоже пошли, и каждый нёс своё дитё на плечах.

Яо Хо и Ло Бин были соседями, поэтому возвращались вместе.

Толстячка звали Ло Шу, по пути домой он без умолку болтал то о недавнем промахе Яо Чэня, то оскорблял старшего брата Ло Шаня. Но когда говорил о Яо Чэне, то украдкой бросал на того взгляд, очевидно пытаясь привлечь внимание своей пустой болтовнёй.

Как бы то ни было, Яо Чэнь не воспринимал слова Толстячка близко к сердцу. Плечи отца были очень широкими и удобными, и всё было бы замечательно, если б только мама на него не сердилась.

Вскоре отец и сын вернулись домой.

— Мама, папа пришёл! — крикнул Яо Чэнь, слезая с папиных плеч.

Из кухни вышла красивая женщина, её лицо выражало удивление, а рот был слегка приоткрыт, словно она хотела что-то сказать. Однако заметив полный беспокойства взгляд Яо Чэня, устремлённый на обеденный стол, передумала, по её губам на секунду скользнула улыбка, но она быстро приняла сердитый вид:

— Хм, вернулись, наконец?

Яо Хо посмотрел на Яо Чэня, прищулив взгляд.

— Ах, я так голоден, готова ли куриная ножка с рисом? Приготовленная моей женой и самая лучшая в мире. Верно говорю, Чэнь-эр?

— Да-а-а, лучше этой куриной ножки с рисом я ничего не пробовал, — тут же согласился с отцом Яо Чэнь.

— Один хитрец постарше, а другой помладше. Хмпф, и кто ж женился-то на тебе?

— Ты, конечно, — подмигнул Яо Хо и нежно приобнял «злую» Яо Цин.

— Папа, я голоден, — Яо Чэнь не мог больше терпеть; его живот заурчал.

— Ладно, забудем об этом, время обедать, — фыркнула Яо Цин и, уже не сдерживая улыбку, проводила отца и сына на кухню — там на столе стояли несколько прикрытых блюд. Когда Яо Цин подняла крышки, в ноздри ударил аппетитный запах.

— Ого, мамочка, ты лучшая! — радостно воскликнул Яо Чэнь.

— Ещё ты должен добавить, что мама самая красивая. Женщины любят комплименты, — бодро сказал Яо Хо.

— Мама самая-самая-самая красивая, — Яо Чэнь всё схватывал на лету.

— Ты не боишься научить сына неправильным вещам?

— Если не научу, то как он обманет девушку, чтобы та согласилась взять его в мужья?

— Думаешь, наш сын опустится до обмана? Он что? Ты?

— Хе-хе, это правда... только постой, почему твои слова мне кажутся странными?

— Когда мы только познакомились, ты часто меня обманывал.

— Мама, а как папа это делал? — вмешался в разговор Яо Чэнь. Он с присущей ему детской наивностью полагал, что мама действительно забудет о нём, и поэтому старался привлечь её внимание.

— Ты точно хочешь узнать?

— А-ага.

— Расскажу, когда вырастешь.

— Я уже вырос! И даже постиг основы мастерства пламени, — недовольно воскликнул Яо Чэнь и, прыгнув со стула, попытался изобразить перед родителями «выученную» технику, но его представление выглядело настолько нелепо, что те так и покатались со смеху.

После ужина Яо Цин простила Яо Чэня за происшествие с вазой, и семья отправилась гулять на вершину горы. Родители наслаждались лёгким вечерним бризом, а Яо Чэнь, придумав себе развлечение, радостно носился по горной тропе. Семья весело проводила время.

На плато они увидели главную площадь и Стелу Предков — многие люди коротали здесь свой вечер.

— Идём, папа отведёт тебя туда, где с мамой... — с улыбкой начал Яо Хо.

— Яо Хо! — Яо Цин топнула ногой, краснея.

— Хе-хе. Пошли. Закат там особенно красив, но, если придём слишком поздно, это место уже могут занять.

Они минули Стелу Предков и последовали дальше — дорога привела к высокой колокольной башне. Поднявшись на крышу по винтовой лестнице, они воочию наблюдали картину, от которой захватывало дух; мягкий ветерок дул им навстречу, пламенные лучи закатного солнца медленно заходили за отдалённые горные пики.

Тёплое дуновение ветра, ослепительные лучи заходящего солнца и радостный смех родителей...

Яо Чэнь детской ручонкой указал в сторону отдалённой площади.

— Папа! Я вижу Стелу Предков! Она такая крошечная!

— Ха-ха, Яо Чэнь, а ты знаешь, зачем она там стоит? Знаешь, почему она так важна для клана?

— Нет, — покачал головой Яо Чэнь — он был ещё слишком юн и ничего не ведал о клане Яо.

Яо Хо добродушно расхохотался, протянул огромную волосатую руку и взлохматил волосы сына.

— На Стеле Предков записаны имена самых выдающихся членов клана. Герои поколения — гордость всего клана! Многие предки на протяжении всей жизни трудились не покладая рук, и

всё ради того, чтобы высекли их имя, — неспешно повествовал Яо Хо. — Яо Чэнь, твой прадедуська сумел добиться славы и почёта и высек своё имя! Это был самый знаменательный и счастливый момент за всю историю нашей семьи.

Яо Хо рассказывал это, и на лице его читалась гордость, надежда и... сожаление. Но Яо Чэнь не мог понять, что чувствовал отец, ведь был слишком юн. Он удивлённо протянул:

— Прадедуська крутой...

— Это так, — Яо Хо вымучил улыбку. — Но после прадедуськи наша семья не сумела вырастить кого-то столь же известного. С каждым годом мы утопаем всё глубже, вся наша бывшая слава развеялась, словно её никогда и не было...

На секунду в глазах Яо Цин как будто зажёгся огонёк: она догадалась, зачем они сюда пришли. В этом году Яо Чэню исполнилось пять лет, а в клане Яо это значило, что скоро поступать в школу. Яо Хо переживал, что Яо Чэнь не выдержит ежедневные изнурительные тренировки. Яо Цин уловила нотки сожаления в его голосе, вздохнула и попыталась успокоить:

— Ты сделал всё возможное, — она прижалась к плечу Яо Хо, обхватив его сильную руку своими тонкими. Никто не знал, какие мысли появились в голове у Яо Чэня в эту минуту, но тот ясно чувствовал печаль и бессилие родителей. Маленькая рука ухватилась за свободную руку отца, а сам он решительным взглядом уставился на каменную скрижаль вдалеке.

— Папа, мама, я точно высеку ваши имена! — раздался тонкий, почти писклявый, но твёрдый голос пятилетнего Яо Чэня. Он собирался приложить все силы, чтобы сделать родителей счастливыми.

Яо Хо лишь покачал головой. Удостоиться такой чести сможет далеко не каждый — и не каждому одарённому дано прославиться.

— Тогда я буду ждать этого дня. Ты обязательно покажешь всем, что достоин.

Яо Чэнь кивнул, в его сердце запылала решимость.

Восемь лет пролетели незаметно, но Яо Чэнь не забыл о своём обещании.

В шесть лет он поступил в школу клана. Ради гордого взгляда отца и радостной улыбки матери, он ежедневно изнурял себя тренировками. Прямо сейчас юноша в простых одеждах[6] закалял тело — его движения были подобны выпущенной стреле: прямые, быстрые, резкие. Внезапно он замер, да так внезапно, что Доу-ци[7] чуть было не выплеснулась наружу. Парень полной грудью вдохнул в себя свежий воздух.

— Братец Чэнь, я проголодался, идём домой, — в зал едва ли не вкатился тринадцатилетний Ло Шу, друг Яо Чэня; он тоже носил простые одежды. За прошедшие восемь лет Яо Чэнь вытянулся, окреп, даже его волосы посветлели на несколько тонов, а Ло Шу, хоть и прибавил в росте, точно так же солидно прибавил в весе, и теперь и вовсе походил на бочонок, да и характером ни капли не изменился.

— Хорошо, пойдём, — с улыбкой согласился Яо Чэнь.

— Хе-хе, когда мы уходили утром, тётя Цин заикнулась о роскошном вечернем ужине! — облизнулся Ло Шу. Как только он думает о съестном, у него тут же просыпается зверский аппетит.

Но Яо Чэнь чувствовал себя скверно: ему было совсем не до этого. Отца вместе с дядей Ло Бином в очередной раз отправляли выполнить особое задание. Они оба служили в Железной гвардии — в воинском подразделении, которое редко покидало пределы клана и существовало только ради сложнейших заданий, с которыми не справились ближайшие школы и секты, признавшие клан Яо своим покровителем. Насколько же они опасные, Яо Чэнь узнал только недавно.

Ло Шу непринуждённой походкой последовал за Яо Чэнем — он перестал обедать у себя дома с тех самых пор, как попробовал куриные ножки Яо Цин. Мама Толстячка умерла рано, а отец напрочь отказывался жениться снова, и поэтому питался Ло Шу в основном только пересоленными и переваренными маньтоу. Раньше они ему нравились, но как только он попробовал куриные ножки, то и думать про эти паровые булочки с мясом забыл — возвращаться к безвкусной еде совсем не хотелось.

Семья Яо Чэня всегда встречала Ло Шу радушно; в клане Яо никто и никогда не голодал, а с Ло Шу в гостях порция Яо Чэня заметно увеличивалась.

После ужина Яо Хо подошёл к Толстячку и хлопнул того по плечу.

— Ло Шу, сегодня давай домой пораньше, хорошо?

Отец Толстячка тоже служил в Железной гвардии, поэтому Ло Шу помнил о заданиях клана. Смахнув крошки с губ, он поблагодарил семью за ужин, собрался и спешно удалился. Яо Чэнь и Яо Хо прыснули со смеху.

— Чэнь-эр, пошли, поговорим снаружи.

Яо Чэнь кивнул, и они вышли. Яо Хо со смехом запрыгнул на крышу, после чего на неё с пыhtением вскарабкался Яо Чэнь.

— Папа?

Отец ещё ни разу не звал его на разговор перед тем, как отправиться на задание.

— Ха-ха, впервые такое, да? Сейчас папа уходит надолго, но, надеюсь, успею к девятому числу десятого месяца[8].

Это был... день рождения Яо Цин. Каждый год его отец придумывал что-то новое, ведь этот день был таким же знаменательным, как день рождения Яо Чэня и Новый год. Мальчишка кивнул и улыбнулся.

— Если не успею, то будь добр, передай это маме, — с этими словами Яо Хо вынул из-за пазухи нефритовую заколку. — Но не раньше! Только если сам не успею. Знаешь же, как женщины ценят все эти любовные штучки.

Яо Чэнь закатил глаза: его родители частенько ворковали, как голубки. Что ни говори, а ему не понять.

После поручения Яо Хо рассказал сыну о том, как надо знакомиться с девушками, потом внимательно поглядел в глаза мальчику, и вдруг стал серьёзным:

— Какого уровня ты достиг в основах мастерства пламени? Покажи.

— Сейчас, — взгляд Яо Чэня вспыхнул, и он вытянул руку.

Яо Хо хлопнул в ладони, и в этот же миг его тело захлестнули мощные волны силы, которые обратились свирепым тигром, — когти зверя едва не оцарапали лицо Яо Чэня.

— Основы мастерства пламени!

Доу-ци в теле Яо Чэня забурлила, вырвалась наружу и сплела крепкую защиту, на ладонях вспыхнул свет, и тогда юноша атаковал.

— Ученик шести звёзд, недурно, — Яо Хо мгновенно развеял опасные волны и отступил. Однако Яо Чэнь не так искусно управлял энергией — в попытке повторить за отцом он не удержался и свалился с крыши. Когда же он быстро поднялся, то с досадой воскликнул:

— Хватит шутить, пап! Ты же обещал целый бой!

— А зачем махать кулаками? Хорошие манеры тоже важны. Своим поведением ты можешь запугать противника, понять его намерения, а этим в бою не овладеешь.

Яо Чэнь сглотнул. С одной стороны, он всё это понимал, но с другой — никак не соглашался.

— Слишком ты юн для боя. После задания я подам в отставку, — Яо Хо похлопал сына по плечу и рассмеялся.

Яо Чэнь тут же охватила радость — отец бросал работу, чтобы наставить его на правильный путь.

В клане Яо было три способа обучения.

Первый: поступить в школу, которая принимала любого с шести лет до совершеннолетия. Здесь было неважно, талантлив ты или бездарность, — ко всем относились одинаково.

Второй: домашнее обучение. Старейшины семьи приходили к ученику и занимались с ним наедине — так было намного эффективнее, чем учиться в группе, к тому же у многих семей были собственные техники, а в школе можно было нахвататься лишь тому, что знали все.

Третий: стать личным учеником старейшины. Старейшины иногда искали себе достойного наследника, чтобы передать все свои знания и умения, но такой чести удостоивались лишь самые одарённые.

Сейчас Яо Чэнь обучался в школе. Он был довольно талантлив и многого достиг: почти не принимая никаких пилюль для роста Доу-ци (не считая мускусной пилюли Укрепления основания раз в месяц), он к тринадцати годам обрёл силу царства Ученика шести звёзд. С таким врождённым потенциалом оставаться в школе — перспектива не самая худшая, но тогда он несомненно останется позади остальных талантливых ребят клана.

— Папа...

— Не бойся, я наконец-то подкопил денег, а ты достиг царства Ученика шести звёзд. Пора бы взяться за истинные техники. Выбери одну из великих и раскрой свой талант. На всё про всё у тебя два года.

Алхимия — важнейшее и глубоко уважаемое ремесло клана. Каждый из потомков начинает свой путь алхимика с основ мастерства пламени. Когда огненный атрибут достигает определённой силы, ученик волен выбрать метод, чтобы возвести основание. Шаг перехода с основ мастерства пламени на истинный метод считался невероятно важным.

— Но папа... лучшие техники слишком дорогие, — беспокоился Яо Чэнь, который уже присмотрел себе дешёвую технику.

— Ха-ха. Забудь об этом и выбирай лучшую. Пока ты идёшь к намеченной цели, я тебе и слова не скажу против... Ладно, иди, Чэнь-эр, поговори с мамой и не забудь спрятать заколку.

— Хорошо! — с радостью отозвался Яо Чэнь. Он смотрел на высокую и статную фигуру отца, и в

его груди тёплой волной поднималась благодарность.

Яркий лунный диск скрылся за горизонтом, и начало светать.

Яо Чэнь сквозь сон слышал голоса родителей; он тут же проснулся, вскочил с кровати и поспешил к окну. За окном он увидел дядю Ло Бина — тот нетерпеливо топтался у дверей.

— Старина Хо, давай! Женатые старики всегда такие суетливые?

— А ну цыц! Сын ещё спит, и вообще, кто бы говорил!

— Ох, ладно-ладно, пошли!

Две фигуры медленно исчезали в предрассветных сумерках. Наблюдая за их уходом, Яо Чэнь ощущал непривычные покалывания в груди. Но тут в его комнату улыбаясь вошла мама.

— Чэнь-эр, иди завтракать.

— Сейчас, мам. Кстати, папа хочет уйти из Железной гвардии. Ты знала?

— Ха-ха, мама уже знает. Не беспокойся, он пойдёт служить в армию клана.

Яо Чэнь моргнул. Он ясно осознавал разницу в статусе и зарплате между обычным стражником и стражем Железной гвардии, и также хорошо понимал в каком положении находится их семья, — если учить лучшие техники, деньги невероятно важны. Да, Яо Чэнь мечтал стать сильнее, но при этом не хотел быть обузой.

— М-м? Чэнь-эр, ты беспокоишься о нас? — мягко спросила Яо Цин, с её губ не сходила улыбка. Она ласково обхватила ладони Яо Чэня своими: — Не переживай, лучше иди кушай.

— Да, мам, сейчас.

[1] Ян Ди, получивший титул Шэньнун — «божественный земледелец», был легендарным предводителем племён. Считается, что он научил людей земледелию и изобрёл классический плуг

[2] 煎 药 煎ьдань — плавить (создавать, изготавливать) пилюли; заниматься алхимией.

[3] Чэнь-эр (陈儿) — словообразующий суффикс «-эр» (儿) придаёт имени уменьшительно-ласкательное значение.

[4] Яо «药» — лекарство; Чэнь «尘» — пыль; Лао «老» — старый. Однако «Яо Лао» — не «старик Яо», иначе было бы «Лао Яо».

[5] 馒头 mantou — паровые пирожки, пампушки, маньтоу.

[6] 青衫 циньши — дословно «(тёмно-)зелёные одежды», но имеется в виду «одежды из холщовой ткани», т. е. «повседневные» или «простые».

[7] 斗 气 доу-ци — дословно «боевая энергия». Духовная энергия ци является неотъемлемой частью любого боевого искусства в этом произведении.

[8] В китайском языке месяцы не носят названий. Если система летоисчисления та же, то это 9 октября.

<http://tl.rulate.ru/book/5484/1465479>